

Уразова Светлана Альбертовна

РАЗВИТИЕ МЕЛКОЙ И КУСТАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ.

В статье рассматриваются основные направления развития мелкой и кустарной промышленности Среднего Поволжья в период нэпа. Автор анализирует изменения политики советского государства во второй половине 1920-х гг. по вопросам промыслового кооперирования кустарей, отмечая усиление бюрократических тенденций. Выделены причины, методы, последствия вытеснения частного капитала из кустарных промыслов. Делается вывод об усилении государственного регулирования мелкой промышленности через централизованное снабжение и сбыт, исключение рыночных методов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/8-1/48.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (46): в 2-х ч. Ч. I. С. 178-181. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(470)

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются основные направления развития мелкой и кустарной промышленности Среднего Поволжья в период нэпа. Автор анализирует изменения политики советского государства во второй половине 1920-х гг. по вопросам промыслового кооперирования кустарей, отмечая усиление бюрократических тенденций. Выделены причины, методы, последствия вытеснения частного капитала из кустарных промыслов. Делается вывод об усилении государственного регулирования мелкой промышленности через централизованное снабжение и сбыт, исключение рыночных методов.

Ключевые слова и фразы: кустарная промышленность; новая экономическая политика; кооперация; частный капитал.

Уразова Светлана Альбертовна, к.и.н., доцент
Пензенский государственный университет
iogp@pnzgu.ru

**РАЗВИТИЕ МЕЛКОЙ И КУСТАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ. ©**

Во второй половине 1920-х гг. роль и значение кустарной промышленности выросли. Этому способствовали следующие факторы: недостаток капиталов в стране, заставляющий мобилизовать ресурсы мелкой промышленности для насыщения рынка протомварами, избыточность рабочих рук в деревне и городская безработица, задача экспорта кустарных изделий.

По данным ЦСУ, число лиц, занятых в мелкой и кустарной промышленности по СССР в 1926-27 гг., составило 3 033 тысячи человек, что больше количества занятых в ценовой промышленности на 23% [16, д. 71, л. 33].

По Средне-Волжской области доля кустарной промышленности была выше, в 1926 г. насчитывалось 177 498 кустарей, что в пять раз превышало число рабочих ценовой промышленности. Валовой оборот кустарной промышленности по СССР составлял 39% от ценовой промышленности, по Среднему Поволжью – 77% [Там же]. Кустарные промыслы на 83% были расположены в сельской местности и распределялись по округам неравномерно. Преобладали промыслы, связанные с обработкой дерева и работающие на текстильном и кожевенном сырье.

Работа партийных организаций Среднего Поволжья в кустарной промышленности активизировалась, после того как XV партийная конференция и III Всесоюзный съезд Советов отметили значение кустарной промышленности и поставили задачу овладеть этой отраслью через дифференцированный подход к кустарям, выделяя среди них трудовые и нэпманские элементы.

Пензенский губернский комитет партии обращал серьезное внимание на кооперирование национальных меньшинств губернии, которые в большей степени зависели от частных скупщиков и поставщиков сырья. Губком считал, что кооперирование позволит партийным организациям губернии поставить на более прочную основу работу среди национальных меньшинств через использование возникающих артелей для вовлечения кустарей в общественную работу [3, д. 380, л. 56].

С 1926 года промысловая кооперация Среднего Поволжья начала организационно оформляться в систему промысловых союзов. На местах активизировалась работа губернских комитетов партии по ликвидации обществ кустарей-одиночек. Они были созданы в 1922 году на основе закона «О добровольных нехозяйственных объединениях» от 3 августа 1922 года. К концу 1926 года по СССР насчитывалось около 300 таких обществ с 70 тыс. членов [13, д. 1, л. 86]. Эти добровольные объединения решали задачи по организации культурно-просветительной работы, правовой защиты своих членов, организации медицинской помощи, работали в налоговых комиссиях для облегчения налогового бремени кустарей.

Самарский союз кустарей-одиночек объединял в 1926 году 969 членов [Там же, л. 84]. Союз активно выступал и как общественно-политическая организация. На выборах в Самарский горсовет в 1926 году был выделен специальный избирательный участок для кустарей, объединенных союзом. Объединение кустарей проявило большую активность в предвыборной кампании: «Агитировали на собраниях, говоря, что лучше кустарей никто другой не сумеет отстоять интересы неорганизованного населения» [12, д. 1869, л. 141]. В результате выборов количество кустарей в Самарском горсовете составило девять человек, что на семь человек больше предыдущего состава. Подводя итоги выборов, Самарский губком отмечал, что в некоторых избирательных округах «борьба кустарей за проведение своих кандидатур приняла форму борьбы против кандидатур партии» [Там же, л. 147].

Самарский союз кустарей-одиночек проявил активность и при попытке создания Всесоюзного центра обществ кустарей. Партийные органы были серьезно обеспокоены активизацией общественно-политической деятельности обществ, выступая на местах за их ликвидацию и укрепление на базе обществ системы промсоюзов.

В борьбе за кооперирование кустарей активизировалась деятельность партии по вытеснению частного капитала из мелкой промышленности. Вытесняемый из торговли и ценовой промышленности частник к 1927 году ещё сохранял значительные позиции в кустарных промыслах. По данным Всесоюзного союза, 55-60% всей продукции мелкой промышленности шла к потребителю через частника [11, д. 243, л. 41]. Велика была доля частного капитала Среднего Поволжья: в кожевенном промысле – 70%, в пуховом – 50%, в рогожном – 30%, в верёвочном – 40% [15, д. 113, л. 52]. А в некоторых районах она превышала эти показатели: например, удельный вес частника в сапожном промысле в Пензенской губернии составил более 80% [Там же, л. 62]. Можно согласиться с выводами Л. М. Кокиной, которая выделяет следующие причины усиления в промыслах роли частного скупщика: наличие достаточных средств для быстрой оплаты за товар, хорошее знание рынка, манёвренность, использование старых торговых связей с кустарями и т.д. [5, с. 115].

Большое внимание вытеснению частного капитала из кустарной промышленности уделило VI Собрание уполномоченных Всесоюзного кустарно-промышленного союза. Представители промкооперации высказали серьёзные опасения в связи с тем, что вытесняемый из торговли и ценовой промышленности частник стремился отстоять свои позиции в кустарной промышленности через следующие организационные формы: акционерные общества, товарищества, в расплывчатой форме. Участники совещания подчеркнули значительную долю частника в пищевкусовых промыслах, в которой валовой оборот продукции частного капитала составил в 1927 году 2/3 от общего объёма [15, д. 72, л. 239]. Лучшим способом вытеснения частника представители промсоюзов считали укрепление промысловой кооперации, усиление государственной помощи промобъединениям в снабжении сырьём, сбыте продукции, кредитовании.

Партийные органы стали уделять больше внимания социальному составу выборных кооперативных органов. Закон от 11 мая 1927 года «О промысловой кооперации» не допускал лиц, лишённых избирательных прав, к занятию выборных должностей в органах управления промысловыми объединениями, но сохранял за ними право быть рядовыми членами артелей. На местах возникали многочисленные вопросы в связи с этим законом. Каков допустимый процент таких лиц в артелях? Могут ли они участвовать в общих собраниях? С правом решающего голоса или совещательного? Юридический отдел Всесоюзного кустарно-промышленного союза отвечал, что процент лиц, лишённых избирательных прав, в артелях не ограничен, и они пользуются полным правом участия в собраниях, рекомендовал строго проверять их роль и влияние, которое они оказывают на членов промобъединений [Там же, л. 154].

Перевыборная кампания в низовой кооперации в сентябре-декабре 1927 года выявила социальный состав членов промышленных союзов. По Среднему Поволжью средний процент составил: бедноты – 49,2%, середняков – 38,6%, «чуждых» элементов – 12% [Там же, д. 113, л. 43]. Особенно высокий процент зажиточных членов промсоюзов был зафиксирован в Самарском, Ульяновском, Кузнецком союзах. После пере выборов в среднем по области в руководящем составе было зарегистрировано членов ВКП(б) – 17%, ВЛКСМ – 5,1%, «зажиточный элемент» составил 9,7% [Там же, д. 72, л. 43].

В конце 1927 года парторганизации на местах активно проводили агитационную кампанию в связи с подготовкой к пере выборам в местные Советы. В ходе кампании ставилась задача привлечения на сторону Советской власти кустарей в ущерб влиянию частного капитала. Сама кампания проходила под лозунгом: «Только Советская власть, только диктатура пролетариата поможет кустарю и ремесленнику побороть нужду и стать сознательным и культурным гражданином» [13, д. 1, л. 64].

Активизировалась деятельность по обследованию артелей с целью выявления лжекооперативов и их ликвидации. В начале 1928 года в Самарской губернии специально созданная комиссия провела выборочное обследование промысловых артелей. Комиссия отметила общее неудовлетворительное состояние артелей, из которых 81% получили замечания организационного характера, 17% подлежали ликвидации [14, д. 1015, л. 115]. В выводах комиссии подчёркивалось, что сильны собственнические тенденции у членов артелей, есть случаи применения наёмного труда. Как правило, лжекооперативными признавались артели, не входившие в кустарно-промысловый союз, с высоким процентом лиц, лишённых избирательных прав.

За январь-июль 1928 года из числа членов артелей Самарского кустарно-промыслового союза были исключены 330 человек «бывших» людей (предприниматели, торговцы). После чистки социальный состав кустарно-промысловых артелей был следующий: крестьян – 39%, рабочих – 23,8%, служащих – 26%, прочих – 10,5% [9, с. 19].

Это направление политики партии предусматривало также манёвры с сырьём и кредитом: прекращение кредитования зажиточной группы в промыслах с местным сырьём до исключения её из членов промкооперации. Наступление на позиции частника в мелкой и кустарной промышленности нарастало. Организационный план Средневолжского промыслово-кредитного союза на 1928/29 – 1929/30 гг. предусматривал с 1 октября 1929 года по всей Средней Волге закончить проверку руководящих и контрольных органов промкооперации, очистив их от «кулацко-предпринимательских» слоёв, усилив выдвижение в руководящие органы бедняков и середняков. План предусматривал запрещение членам промсоюзов связи с частным рынком и необходимость слияния мелких артелей в крупные товарищества для более эффективной борьбы с влиянием частного капитала. Рекомендовалось также тщательно изучить экономику районов с большим количеством частников для выработки конкретных мер борьбы с ним [15, д. 75, л. 49].

Помощь со стороны государства являлась важным фактором развития мелкой промышленности, но возникала и со временем усиливалась тенденция бюрократизации промысловой кооперации, сдерживания её самостоятельности. Не был найден механизм ограничения вмешательства государства в кооперативное движение. Были приняты меры, которые через осуществляемые централизованно и планомерно снабжение и сбыт исключали альтернативные рыночные формы.

По мнению В. В. Кабанова, изобилие принципиальных решений и директив по вопросам промысловой кооперации мешало их применению в практической работе. Они осуществлялись в недостаточной мере хозяйственными и кредитными органами, от которых зависела возможность работы промкооперации. Кооперация ломалась в силу её антагонистических противоречий с государством, которые к концу 20-х годов достигли высшей степени. И один из камней преткновения лежал в сфере идеологии [4].

Пятилетний план развития Среднего Поволжья предусматривал размежевание государственной и кустарной промышленности, которое предполагало не только разграничение их функций, но и согласование работы, взаимное дополнение. В ряде отраслей группы индустриального типа, работающих на дефицитном сырье, удельный вес кустарной промышленности в перспективе был невелик. В ряде отраслей – ткацкой, трикотажной, деревообрабатывающей – государственная и кустарная промышленность могли развиваться параллельно. Но здесь предполагалось разграничение ассортимента изделий. План намечал развёртывание в области бондарно-клёпочного, столярно-мебельного, пуховязального и ряда других промыслов. План предусматривал общий рост численности кустарей за пятилетие до 210-230 тысяч человек, а увеличение выработки на 50% [10].

Важнейшей задачей был рост степени кооперирования кустарей: его уровень предполагалось довести к концу пятилетки до 50%. На 1 октября 1928 года только 16% от числа членов промкооперации работали в коллективных мастерских, причём коллективизация труда по промыслам была крайне неравномерной. План намечал прирост числа лиц, объединённых общей работой в мастерских в размере 500% [16, д. 74, л. 10].

Выполнение высоких плановых показателей связывалось с укреплением организационной работы промсоюзов, ликвидацией лжекооперативов, усилением государственного регулирования кустарной промышленности, вытеснением частного капитала.

По СССР в 1927 году доля кооперированных кустарей составила 15-17%, по Самарской губернии – 12% [14, д. 692, л. 195], Ульяновской – 10% [1], Пензенской – 15% [6].

С конца 1927 года процесс кооперирования начинает нарастать, процент кооперированных кустарей Средневолжского региона в их общем числе по РСФСР вырос с 5,6 на 1 октября 1927 года до 7,5 на 1 апреля 1928 года [15, д. 113, л. 100].

Несмотря на то, что основная масса кустарных промыслов была расположена в сельской местности, только к концу рассматриваемого периода стало уделяться больше внимания промысловой кооперации в уездах. Самарский губком партии направил директивное письмо уездным комитетам ВКП(б) весной 1928 года. В нём отмечалось, что промысловая кооперация – наиболее целесообразная форма организации кустарной промышленности, но в Самарской губернии она только начала организационно оформляться с созданием союза кустарно-промысловой кооперации. Губком партии призывал уездные парторганизации оказывать содействие низовому кооперированию [12, д. 2590, л. 54].

Первая Средне-Волжская конференция ВКП(б), рассматривая вопросы развития кустарной промышленности, основное внимание уделила необходимости создания Областного кустарного союза, не затрагивая проблем низовой кооперации. По этому вопросу развернулась дискуссия, и некоторые делегаты отмечали, что это решение усилит бюрократические тенденции в промысловом кооперировании [7, с. 31].

В конце 1920-х гг. удельный вес продукции кустарной промышленности Среднего Поволжья (без мукомолья) составлял 41,5% от продукции крупной промышленности [15, д. 113, л. 43]. Мелкая промышленность играла большую роль в снабжении населения товарами первой необходимости, способствовала установлению рыночного равновесия. Значительную роль кустарная промышленность играла в смягчении безработицы. Но во второй половине 1920-х гг. усиливаются тенденции к концентрации и государственному регулированию кустарных промыслов. Были приняты меры по ограничению использования частного капитала и рыночных методов в мелкой промышленности. В промысловой кооперации нарастают бюрократические тенденции.

Список литературы

1. **Виноградов Д. В.** Состояние кустарной промышленности в губернии // Пролетарский путь. 1927. 27 ноября.
2. **Государственный архив Пензенской области** (ГАПО). Ф. Р-4. Оп. 1.
3. **Государственный архив Ульяновской области** (ГАУО). Ф. Р-103. Оп. 1.
4. **Кабанов В. В.** Судьбы кооперации в Советской России: проблемы, историография // Судьбы российского крестьянства. М.: Российский гос. гуманит. ун-т, 1995. С. 212-248.
5. **Коккина Л. М.** Становление художественно-промысловой кооперации (1917-1927 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 8. Ч. 1. С. 111-117.
6. **Кооперирование кустарей** // Трудовая правда. 1927. 15 ноября.
7. **Первая Средне-Волжская областная конференция ВКП(б). 20-23 августа 1928 г.:** стеногр. отчёт. Самара: Средне-Волжская коммуна, 1928. 206 с.
8. **Укрепление кустарно-промысловых артелей** // Кооперативный путь. 1928. № 3.
9. **Улучшение социального состава кустарей** // Кооперативный путь. 1928. № 7.
10. **Хонин В. А.** Промышленность Средней Волги. М. – Самара, 1931. 31 с.
11. **Центральный государственный архив народного хозяйства** (ЦГАНХ). Ф. 3986. Оп. 1.
12. **Центральный государственный архив Самарской области** (ЦГАСО). Ф. П-1. Оп. 1.
13. **ЦГАСО.** Ф. П-7080. Оп. 1.
14. **ЦГАСО.** Ф. Р-88. Оп. 1.
15. **ЦГАСО.** Ф. Р-675. Оп. 1.
16. **ЦГАСО.** Ф. Р-751. Оп. 2.

DEVELOPMENT OF SMALL AND DOMESTIC INDUSTRY OF THE MIDDLE VOLGA REGION IN THE SECOND HALF OF THE 1920S

Urazova Svetlana Al'bertovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Penza State University
iogp@pnzgu.ru

The main tendencies of the development of the small and domestic industry of the Middle Volga region during the New Economic Policy period are considered in the article. The author analyzes the changes of the soviet state policy in the second half of the 1920s on the issues of handicraftsmen's commercial cooperation noting bureaucratic tendencies strengthening. The reasons, methods and consequences of private capital exclusion from domestic industry are singled out. The conclusion is made about small industry state regulation strengthening through centralized supply and sales, market methods elimination.

Key words and phrases: domestic industry; New Economic Policy; cooperation; private capital.

УДК 32.019.5

Политология

В статье на основе данных авторского социологического исследования обосновывается деструктивное влияние коррупции на функционирование политических институтов современной России. Результаты проведенного анализа свидетельствуют о том, что в среде региональных элит происходит активизация коррупционной составляющей, что тормозит их динамику, подрывает доверие к самой идее модернизации современной политической системы.

Ключевые слова и фразы: политические процессы; региональные элиты; модернизация политической системы; коррупция в органах власти и управления.

Усова Юлия Викторовна, к. полит. н.

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева
Владикавказского научного центра Российской академии наук
и Правительства Республики Северная Осетия-Алания
usova_yv@mail.ru

КОРРУПЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ[©]

Коррупция как социальное явление связана с официальной деятельностью административно-бюрократических элит и выражается в незаконном предоставлении отдельным лицам определенных льгот и преимуществ из корыстной заинтересованности. Наибольшие масштабы коррупция приобретает в условиях недостаточной зрелости рыночных отношений и нестабильности политической власти [3, с. 333]. Посредством коррупции достигается не только материальная, но и политическая выгода, что позволяет рассматривать ее и как экономическое, и как политическое явление [6, с. 174]. Коррупционная составляющая часто сопровождается процессом усиления вертикали власти из-за отсутствия реальной конкуренции и четких сигналов снизу, незрелости институтов гражданского общества, которые из-за ограниченности своих социально-политических ресурсов не имеют возможности контролировать коррупцию властных структур.

В сентябре 2013 г. автором статьи на базе Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований Владикавказского научного центра РАН было проведено социологическое исследование на тему: «Коррупция в органах власти и управления (на примере республик СКФО)». Цель данного исследования – выявление деструктивного влияния коррупции на функционирование политических институтов современной России. Эмпирический материал был собран в ходе массового опроса, в котором участвовало 2000 респондентов, жителей СКФО. Опрос проходил в несколько этапов, в связи с этим целесообразный объем выборки составил около 400 человек на каждом этапе. Статистическая погрешность такой выборки не превышает 5%. Предельная ошибка выборки для совокупного массива составляет 2,8%. Отбор единиц носил как случайный, так и направленный характер. Выборка по полу составила: 54% – женщин, 46% – мужчин. По уровню образования респонденты распределились следующим образом: 4,5% – незаконченное среднее; 33,6% – среднее; 28,7% – средне-специальное; высшее и незаконченное высшее – 33,2%. Некоторые конкретные формулировки вопросов совпадают с формулировками, которые использовались известными социологическими центрами, регулярно проводящими исследования по всероссийской репрезентативной выборке. Это позволило сравнить полученные результаты с общероссийскими показателями.